

УДК 947.808.4

**ХАРАКТЕР И ПРИЧИНЫ ФОРСИРОВАННОГО РЕШЕНИЯ «ЦЕРКОВНОГО ВОПРОСА»
ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СТРУКТУРАМИ В 1917 – 1924 ГОДЫ****И.И. ЯНУШЕВИЧ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Исследуются характер и причины форсированного решения «церковного вопроса» партийно-государственными структурами в 1917 – 1924 годы. Социально-политические преобразования в Российской империи после событий октября 1917 года кардинальным способом изменили систему государственно-церковных отношений. К власти пришло атеистическое правительство, объявившее беспощадную войну религии и церкви. Главным объектом антирелигиозной деятельности большевиков стала Русская православная церковь (РПЦ). Содержание антицерковных мероприятий не всегда соответствовало задачам советского строительства. Государственная конфессиональная политика носила в указанный период откровенно репрессивный характер, зачастую не согласовывалась с выдвигаемыми партией и правительством лозунгами.

Введение. Отношения партийно-государственных структур и церкви в СССР постоянно находились под пристальным вниманием как религиозных и общественных деятелей, политиков, так и исследователей. Вопрос о взаимоотношениях государства и церкви в рамках коммунистического общества поднимается уже более полутора столетия. В первую очередь это атеистическое наследие К. Маркса [1], Ф. Энгельса [2], В.И. Ленина [3]. Религия рассматривалась как проявление необразованности трудящихся масс, как «опиум народа». Именно на этих принципах и базировалась вся советская научная мысль до начала 1990-х годов. Деятельность религиозных организаций изучалась в СССР только с точки зрения исполнения советского законодательства и соответствия установкам партии. Приклеенный в 1917 году ярлык контрреволюционности являлся исходным. Изучался вопрос с точки зрения исполнения советского законодательства. Деятельность ВЧК, ГПУ-ОГПУ, НКВД не рассматривалась, а деятельность партии большевиков, основанная на марксизме-ленинизме, трактовалась как естественный прогрессивный процесс борьбы с религиозным дурманом путем распространения атеизма. При этом целенаправленно не показывались гонения, репрессии духовенства и верующих, а также различия в государственной религиозной политике по отношению к конфессиям. С начала 1990-х годов интерес к исследованию государственно-церковных отношений усиливается. Выходит в свет целый ряд работ. Наибольший фактический материал отражен в трудах Д. Поспеловского [4], А. Нежного [5] и нескольких новых работах М. Одинцова [6, 8]. В. Алексеев свой труд посвятил проблеме антирелигиозной деятельности комсомольцев, их месту и значению на общегосударственном атеистическом фронте [9]. В белорусской историографии по данной проблематике имеется целый ряд работ. В. Новицкий исследовал развитие конфессиональной ситуации в 1920 – 1930-е годы в целом [10]. Священник Феодор Кривонос провел исследование проблем репрессий священников Минской епархии [11]. Т. Процько подвергла анализу процесс ограничения свободы вероисповедания в условиях формирования административно-командной системы [12]. Продолжают исследование А.А. Круглов и М.С. Корзун [13, 14].

Государство и РПЦ практически на протяжении всей своей истории достаточно тесно взаимодействовали. Религия играла важную мировоззренческую роль. «Православие оказало колоссальное влияние на процесс складывания русского этноса и его государственности, а также на формирование его духовной среды. Христианство в его православном исповедании определило всю систему ценностных ориентаций русского человека, общественную, хозяйственную, этическую и другие стороны жизни...» [14, с. 168]. Но была и другая сторона деятельности Православной церкви. Она должна была выполнять навязываемые функции идеологического надзирателя, рупора царизма. В целом рационализм государственно-церковных отношений столетиями давал положительный для общества результат. Народ черпал в православии силы для преодоления всех бурь и несчастий, проносившихся над Отечеством. Однако петровские синодально-консисторские пути, не позволявшие Православной церкви выполнять свою главную функцию – духовное служение, – во многом и привели к расцерковлению общества, падению нравственности, распространению радикальных политических и религиозных идей. А все это в свою очередь привело к событиям 1917 года и к тем формам и методам реализации основных направлений внутренней и внешней политики, какие имели место в Советской России.

Основная часть. Молодое советское государство оказалось перед выбором модели государственно-церковных отношений. Традиционно с изменением политического руководства изменялось и положение Церкви или его руководства. И если до 1917 года эти изменения не носили очевидных катастрофических

последствий, то с установлением власти большевиков ситуация коренным образом изменяется. Программные документы партии требовали ликвидации религии и церкви. Советское государство объявило им войну. Реальная конфессиональная политика далеко не во всем основывалась на рациональном начале, марксизме, интересах общества, государства, и самой партии. Представляется, что личный интерес, частное видение проблемы, теория мировой революции становились во главу угла. Внешне может показаться, что в антицерковной политике большевиков отсутствует здравый смысл, оторванность от реальной действительности. Сделаем попытку выяснить, так ли это, проанализировав, соответствовали ли наиболее значимые антирелигиозные акции большевиков чаяниям народа и целям РСДРП.

Идеологическим фундаментом борьбы против религии и церкви являлся марксизм. В работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс писал, что «всякая религия является ни чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в повседневной жизни» [3, с. 229]. Однако это «фантастическое отражение» рассматривалось как чрезвычайно опасный враг, с которым необходимо вести постоянную борьбу до полного его уничтожения. «Ликвидация религии – как иллюзорного счастья народа, – по словам К. Маркса, – есть требование его настоящего счастья» [1, с. 414]. Об этом же напоминал своим соратникам еще в 1906 году В.И. Ленин: «Мы создали свой союз РСДРП, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного обмана трудящихся» [3, с. 145]. Все трое понимали, что религия колоссальный фактор общественного развития, который невозможно ликвидировать операционным путем. К. Маркс указывал, что исчезновение религии должно произойти в результате общественного развития, в котором крупная роль принадлежит воспитанию. Большинство в руководстве партии понимали, что борьба с религиозностью или укоренение атеизма – процесс весьма длительный, на десятилетия. Однако не все власть предрежащие готовы были прислушиваться к подобным мнениям. И хотя богоборческую пальму первенства следует присудить В.И. Ленину, определившему стратегические задачи большевиков в данном направлении, все же непосредственно тактику реализации ленинских задач с безудержной энергией разрабатывал и направлял Л.Д. Троцкий. Именно его называли главным безбожником молодой страны Советов, демоном революции. Атеизм или безбожие Троцкого формировалось еще в семье. По мере того как росло благосостояние его отца, ослабевала обрядовая религиозность семьи. Младший Бронштейн не стремился к постижению традиций своего народа. Эрудированный, эlegantный, честолюбивый, горделивый, жестокий человек достаточно схематично воспринимал религию. Русскую православную церковь, как и другие конфессии, считал феодальной организацией, политическим анахронизмом, который должен быть разрушен любым способом. Именно Л.Д. Троцкий и являлся идейным вдохновителем наиболее жестких и во многом бессмысленных в плане целесообразности даже для партии большевиков антирелигиозных кампаний. С особой яростью он стремился уничтожить православие, точно такое же отношение у него было и к иудаизму. Следует отметить, что несмотря на значительный политический вес Троцкого в установившемся в октябре 1917 года строе он был лишь составной частью отвергнувшегося «горнила революции».

Русская православная церковь являлась стратегическим идеологическим противником большевиков в их претензии на права влияния на мировоззрение населения. Наблюдался процесс «противоборства господствующей псевдорелигии со всеми остальными религиозными течениями» [16, с. 317]. Необходимо было расчищать площадку для строительства человека нового типа. И здесь мы наблюдаем скорее закономерность, чем парадокс: «Советская государственность, хотя и провозгласила де-юре отделение (Церкви – *авт.*), однако де-факто она является единственным в мире конфессиональным государством, в котором господствующей религией является воинствующий атеизм коммунистической секты» [17, с. 343]. Две религии не могут находиться одновременно в голове одного человека. После прихода к власти новое политическое руководство начало проводить жесткую минимизацию идеологической базы религиозных организаций. Запрещалось преподавание вероучений во всех учебных заведениях. Вводились ограничения в преподавании религиозных дисциплин для граждан старше 18-ти лет. Вместо веры в Бога усиленно пропагандируется атеизм и вера в материализм. Большевики на практике начали внедрять коммунизм как религию, называя ее религией без «мнимых богов». С установлением Советской власти в Петрограде начала практиковаться система замены объектов религии объектами революции. Вместо икон ставились портреты вождей большевиков, вместо креста употребляли звезду, вместо церковного песнопения – распевание революционных песен. Все религиозные действия ограничивались исключительно стенами богослужебных помещений. Вождь мирового пролетариата В. Ульянов (Ленин) становится руководителем и государства, и партии, и духовным пастырем. Культ личности, божественная непогрешимость, возвеличивание были характерны и яркому борцу против всяческих культов Л. Троцкому. Особенно это касалось его роли в создании и управлении Красной Армией.

Как крупный землевладелец, располагающий значительными материальными ресурсами, РПЦ являлась весьма опасным противником для Советской власти. Уничтожение экономического базиса и органи-

зационной структуры должно было, по мнению лидеров партии, привести к самоликвидации религиозных организаций. В.И. Ленин полагал, а, скорее всего только декларировал, что церковь, в частности Русская православная, рухнет, как только отнять у нее экономический базис. Большевики пошли по пути максимального ограничения хозяйственной деятельности духовенства и церковноприходских советов. Уничтожение экономического потенциала РПЦ началось уже 26 октября 1917 года, когда Декретом «О земле» Церковь лишалась всех «монастырских, церковных угодий со всем их живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями» [18, с. 13]. Декрет от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» вводил максимальное ограничение деятельности церкви и религиозных общин, лишал их прав собственности и юридического лица [19, с. 30]. Конфискации подлежали ценные вещи непосредственно не предназначенные для богослужения. Все же декрет не был смертельным для РПЦ. В дальнейшем мы видим, что она выжила и в более тяжелых условиях. Это понимали и лица, ответственные за уничтожение Церкви, поэтому увидела свет инструкция о проведении Декрета – еще более жестко регламентирующий церковную жизнь документ. Однако проходивший в Москве с 17 августа 1917 года Всероссийский Поместный Собор за более чем год своей деятельности выработал оптимальный вариант устройства Церкви и, по словам выдающегося православного историка В. Цыпина: «Благодаря возрождению церковной соборности и восстановлению первосвятительского возглавления канонический строй Русской Православной Церкви оказался неуязвимым для подрывных раскольничьих акций» [20, с. 116]. Церковь выработала достаточную для нормального функционирования модель устройства.

Более того, отодвигание религиозных обрядов на второй план либо попытки их полной ликвидации наталкивались на сопротивление населения. Антирелигиозникам пришлось противостоять громадному количеству людей с их давно устоявшимися традициями и обычаями. На защиту своей поруганной Церкви встали не только чуждая новому обществу старая интеллигенция, представители свергнутых классов, религиозные фанатики, но и многомиллионное крестьянство. Если оно в целом поддерживало меры экспроприации церковно-монастырской собственности, расторжения тесного союза Церкви и государства, то совсем по-другому относилось к введению гражданской метрикации, лишению прихода абсолютно всякой собственности и устранению из школы Закона Божьего. Крестьянство выступило против обмирщения в такой степени своего традиционного уклада жизни, против надругания над верой отцов, против нарушения устоев жизни по вере.

Экономическое и административное давление шло параллельно с невиданным донныне истреблением граждан России. Поражает та легкость, с которой жители одной страны уничтожали друг друга. Первая мировая и Гражданская войны, интервенция, хаос в государстве и головах приводил к многочисленным, в том числе и случайным человеческим жертвам, но процесс уничтожения всех несогласных с планами и действиями большевиков нельзя назвать хаотичным. Уничтожались в первую очередь люди мыслящие, государственники, способные осознавать последствия октябрьского переворота и установления новой власти. Во главе мощнейшей репрессивной машины, с беспощадностью, кровожадностью, бессмысленностью, беззаконностью которой, наверное, не могут сравниться и 1930-е годы, стоял Л. Троцкий. Для этого человека людские потери не могли стать препятствием для достижения цели.

Став 13 мая 1918 года у руля Народного Комиссариата по военным делам, Троцкий получил в свое распоряжение мощнейший репрессивный инструмент [21, с. 115]. Массовыми расправами в Красной Армии была наведена достаточная дисциплина. По сути, из состава воинских подразделений сформировались карательные войска [22, с. 357]. Приказом Троцкого от 8 августа 1918 года фактически утверждалась система концентрационных лагерей, куда мог попасть любой гражданин [11, с. 147]. Не менее изуверской являлась и практика заложников. Первыми наряду с бывшими царскими офицерами и чиновниками подлежали уничтожению православные священнослужители и активные прихожане. Задача уничтожения того же православного духовенства в условиях смертельной схватки за власть, «красного террора» представлялась вполне реальной. Ведь необходимо было ликвидировать «всего-то» 148 епископов, 125 000 священников и дьяконов, 92 000 монахов и монахинь [23, с. 466]. Пока мы не знаем имен и обстоятельств гибели многих священников и членов их семей, но и известные случаи поражают своей жестокостью (священнослужителей четвертовали, закапывали живыми в землю, выжигали глаза, вешали за волосы, расстреливали на глазах членов семей, насиловали жен и дочерей) [20, с. 104, 108, 143, 224]. Казни православных клириков проводились с особой жестокостью и вызовом. Следует отметить, что православные священники в 1918 году скорее всего не имели значительного влияния на политические взгляды населения [21, с. 131 – 134], хотя, конечно же, как граждане своей страны, как пастыри Церкви Христовой они не могли безразлично смотреть на происходившее. Осознавая, что большевики не остановят репрессий, патриарх Тихон в июле 1919 года призвал весь клир и прихожан к полному отказу от политической борьбы [24, с. 163]. Как стало недавно известно, месяцем ранее по настоянию Троцкого при поддержке Ленина ВЦИК и СНК требуют от ВЧК «как можно быстрее покончить с попами и религией» [25, с. 168].

Уничтожение десятков тысяч священнослужителей и работников Церкви, безусловно, подрывало организационно-административную деятельность Церкви, но не парализовало ее. Если сразу после выхода Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» верующие не стремились участвовать в жизни прихода, то к 1920 году церковно-приходские советы пополнялись зачастую людьми грамотными, умеющими организовать процесс. На места уничтоженных пастырей поднимались новые, принимавшие сан по вере, по искреннему убеждению. Большевики своей жестокой антирелигиозной политикой создали священнослужителям и всем пострадавшим ореол мученичества, весьма почитаемого в христианстве и русской традиции.

В руководстве партии уже в 1919 году многие отчетливо осознавали, что одними резкими выпадами против церкви вопрос не решить. Это нашло отображение в постановлении VIII съезда: «РКП(б) руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и содержательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой отрицание религиозных предрассудков. Действовать надо организуя самую широкую научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду» [26, с. 112]. Вместо широкой научно-просветительской работы, словно выискивая, чем можно больше навредить православному, в 1919 году в стране начинается широкомасштабная операция по уничтожению мощей святых праведников Православной церкви. Глумение в период тяжких испытаний указывало на источник бед – безбожников. Кампания эта должна была носить «глубокий пропагандистский подтекст». Комиссары, поверхностно разбираясь в культе почитания мощей православных угодников Божьих, надеялись с помощью «развеивания мифа о нетленности останков» показать их земное происхождение и тем самым скомпрометировать Церковь. Отсутствие нетленности мощей должно было расставить все точки над «i» в этом вопросе. Подобная уловка не несла в себе предполагаемой смысловой нагрузки по причине того, что культ мощей рассматривался верующими не как материальная сохранность мумии, а как явление духовное. Безусловно, что в таких условиях обнаружение в раках вместо нетленных останков Святых земли Русской костей и прочих атрибутов не оказывало на абсолютное большинство верующих должного влияния. Более того, проводимые резко, без предварительной подготовки вскрытия мощей вызывали у верующих недоверие к комиссиям, озлобление по поводу откровенного разграбления имущества рак. Только в 1919 году было проведено 49 вскрытий мощей. Осквернению подвергались останки преподобных Сергия Радонежского, Александра Невского, Серафима Саровского и других. В мае 1922 года та же участь постигла мощи святительницы Евфросиньи Полоцкой, позднее демонстрировавшиеся в атеистических музеях Москвы и Витебска [27, с. 79]. Кампания по вскрытию мощей противоречила даже советскому законодательству, постановлениям СНК и самой Конституции. Православные верующие по-своему отвечали на действия власти. К 1920 году наметился общерелигиозный подъем в массах. Храмы наполнялись молящимися. Авторитет духовенства резко вырос. Очевидец тех событий историк И. Стратонов сообщает: «Внутренний рост церковного самосознания достиг той высоты, равной которой не было последние два столетия» [28, с. 36]. В условиях укрепления авторитета Православной церкви и усиления режима в государственно-церковных взаимоотношениях должны были произойти изменения.

К началу 1921 года на антирелигиозном фронте в советском государстве наступило определенное затишье. Способствовала этому и позиция В.И. Ленина, требовавшего от ЦК РКП(б) и лично В. Молотова «более корректной борьбы», и настроение в низах большевистской партии, где проявлялось серьезное сопротивление левацкому экстремизму [7, с. 29]. Стало ясно, что насадить социализм штурмовыми методами на российской почве невозможно. Не получалась и антицерковная атака, которая не могла принести значительных результатов по той простой причине, что вера – это не то, что лежит на поверхности, она находится глубоко в сознании и туда с винтовкой или мандатом не доберешься. И большинство граждан страны Советов, несмотря ни на какие ухищрения большевиков, тем не менее, продолжали испытывать потребность в религиозной вере. Безусловно, отказаться от борьбы с религией и церковью коммунисты не могли, но многие дальновидные политики понимали, что тактику следует изменить. Потерпев неудачу на первом этапе антирелигиозной войны, сводившейся к «попоедству» и «богоборству», власти перешли на путь пропаганды воинствующего материализма» [29, с. 640].

Перспектива победы над религией следующими поколениями советских граждан не устраивала одержимых антирелигиозников. Не соответствовала она и планам Троцкого. Атаку следовало продолжать, и поводом для этого стала засуха в Поволжье. Голодная смерть грозила 20 млн. человек. Государство первоначально дистанцировалось от помощи голодающим, но ситуация начала выходить из-под контроля. Церковь весьма преуспела в деле организации поставок продовольствия и сбора средств на нужды голодающих. Авторитет ее резко, особенно за рубежом, вырос. Троцкий с присущим ему коварством разработал и провел через ЦК план очередного удара по религиозным организациям посредством полного ограбления под благородным предлогом помощи голодающим. Имеющиеся документы четко указывают, что главным в данной кампании был захват церковной собственности и подавление любого сопротивления верующих и клира. Неожиданно явно провокационные планы Троцкого поддержал Ленин,

не отличавшийся столь патологической кровожадностью. Он в секретном письме к Молотову дал указание, что «изъятие ценностей должно быть проведено с беспощадной решительностью, ни перед чем не останавливаясь... Чем большее число реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» [30, с. 193]. Откровенный грабеж, особенно после запрета замены церковных ценностей равнозначными суммами [31, ф. 93, оп. 1, д. 450, л. 229], и выявление множества фактов разворовывания ценностей членами комиссий по изъятию различных уровней [32, с. 90] вызывали недовольство верующих и клира, что собственно и входило в планы Ленина и Троцкого. Массовые расстрелы и расправы охватили всю страну, вызвали резкое недовольство действиями властей и церковной политикой и ходом оказания помощи голодающим. К тому же захвачено было в сотни раз меньше предполагаемого, а захваченное было частично продано за бесценок на Запад, частично осело в Гохране или пошло на нужды партийных функционеров, а не голодающих Поволжья.

В рамках кампании по разграблению церковных ценностей Л.Д. Троцкий инспирировал углубление раскола РПЦ, что привело к появлению так называемого обновленчества. Органы и ранее проводили работу со священниками, подыскивая тех, кто в силу своих определенных личностных и общественно-бытовых обстоятельств вынужден был или и сам стремился к сотрудничеству. Троцкий решил использовать кампанию по изъятию ценностей для очередного, как ему казалось сокрушительного удара по Церкви. План был гениально прост и ужасающ. Разделить духовенство на два лагеря по вопросу изъятия ценностей (официально по вопросу помощи голодающим – *Я. И.*). Полностью подчинить своим решениям обновленческую или сменовеховскую группу, оказать ей всяческое содействие. Провести изъятие ценностей с необычайной дерзостью, с очевидным вызовом православным верующим и клиру, чем вызвать их недовольство и сопротивление, которое в свою очередь будет жестоко подавлено. Под предлогом противодействия оказанию помощи голодающим расстрелять контрреволюционное духовенство и активных прихожан. Подобные действия перед своими гражданами и мировым сообществом оправдать с помощью лояльного духовенства на собраниях, митингах и в прессе. Сразу же предполагалось подготовить кампанию против обновленцев [33, с. 187]. К счастью, даже при поддержке В.И. Ленина план максимум выполнен не был. При содействии ОГПУ за сопротивление обновленцам претерпело немало священников. Наиболее показательным был процесс над митрополитом Петроградским Вениамином. Горячо любимый простым народом пастырь, один из столпов Церкви, абсолютно искренне по христиански принявший активное участие в деле помощи голодающим, получивший за это благодарственное письмо от властей, за отказ подчиниться распоряжениям был расстрелян по обвинению за сопротивление изъятию церковных ценностей. Это был сигнал остальным. Если уж самого чуждого политике архиерея не пощадили, то что будет с другими. При поддержке властей обманным путем обновленцам удалось захватить патриаршую канцелярию, сформировать так называемое Высшее церковное управление (ВЦУ) и выступить от имени всей Церкви. Прикрываясь тем, что патриарх в тюрьме, и ему грозила высшая мера «революционной законности», а церковное управление находится в расстроенном состоянии, обновленцы начали активно реализовывать мероприятия по захвату власти. В результате из 73 епархий только в 36 правящие архиереи остались верными патриарху Тихону. Временно признал ВЦУ и епископ Минский и Слуцкий Мельхиседек. Явно «прокрасная» позиция обновленцев, срочные неконституционные преобразования не сопоставимые с представлением верующих об устройстве Церкви Христовой и морально-этическом образе клирика практически лишили их паствы. Ведь для верующих посетить богослужение, и тем более принять таинства не совсем понятно от кого, было неприемлемо. Обновленческие храмы в основном пустовали.

Следует отметить, что с 1923 году Троцкий утратил возможность проводить свои решения в ЦК и, безусловно, не случайно, что в это же время практически прекратились дерзкие общесоюзные антирелигиозные выпады [34, с. 20 – 24]. Напоследок Троцкий все же сумел нанести еще один удар. В статье «Водка, церковь, кинематография» за январь 1923 года он доказывал, что с религией не стоит бороться всерьез, глубоко, а достаточно лишь культурнических усилий [35]. В рамках подобных указаний по стране прокатилась волна комсомольских «рождеств» и «пасох». Главным организатором их под пристальным вниманием РКП(б) стал Коммунистический союз молодежи. Акценты молодыми рьяными товарищами ставились на увеселительные мероприятия, танцы, уличные карнавалы и демонстрации, сатирические театральные постановки антирелигиозного содержания. Самые оголтелые комсомольские активисты переходили к прямой насмешке и угрозам духовенству и верующим. На религиозность населения подобные действия даже в представлении некоторых агитпроповцев особого влияния оказать не смогли [31, ф. 4, оп. 1, д. 478, л. 27]. Тот же ЦК КСМБ констатировалось: «Карнавал прошел успешно. Несколько слабее была пропагандистская сторона» [31, ф. 63, оп. 1, д. 19, л. 56].

Заключение. Форсированное претворение в жизнь Программы партии по борьбе с религией не привело к середине 1920-х годов к её выполнению, собственно как и к середине 1980-х годов. На места уничтоженных пастырей поднимались новые, принимавшие сан по вере, по искреннему убеждению. Рукоположенные после 1917 года четко осознавали, что их деятельность будет связана со страданиями,

неустройством, их целью было духовное служение Церкви и Отечеству. Укреплялись в вере на примерах беззаветного служения убиенных и изгнанных пастырей и их семей и клир, и миряне, что никак не могло способствовать распространению атеизма.

Разнузданная кампания по глумлению над мощами праведников земли русской (по словам большевиков, «мумифицированных кукол») вместо «развеивания суеверий» привела к многочисленным жертвам, выступлениям против властей. В условиях религиозного подъема и катастрофического ухудшения жизни населения это сильнейшим образом било по авторитету партии большевиков и подрывало доверие ко всем проводимым ими преобразованиям.

Кампания по изъятию церковных ценностей не улучшила благосостояние не только голодающих Поволжья, но и иных граждан страны Советов. Не принимая во внимание кощунство проводимых действий, даже с экономической точки зрения это было преступление. Народное достояние разворовывалось небольшой кучкой функционеров. Помощь голодающим и со стороны своих граждан, и со стороны зарубежных организаций могла быть в десятки, а может и сотни раз больше.

Проект развала Церкви через обновленчество также не был реализован. Безусловно, вреда РПЦ это в 1920 – 1930-е годы и позднее принесло много. Раскол всегда боль, трагедия, грех, но проект в задумке Троцкого оказался малоэффективным. Скорее может быть наоборот, выявил не совсем соответствующих званию пастыря Православной церкви клириков и способствовал незримому внешне сплочению оставшихся верных канонам и традициям. Несмотря на временные успехи, обновленцы не выполнили обозначенную им Троцким задачу разложения и окончательного уничтожения Церкви изнутри.

Представляется, что даже несмотря на всю глобальность личностей В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, они с соратниками не смогли понять сущность православия, суть религии, роль Православной церкви в жизни русского человека, либо истинные их замыслы не соответствовали декларируемым и требуют дальнейшего исследования и переосмысления. Троцкий как человек, призванный созидать, как один из руководителей государства, ответственный за судьбы миллионов людей, обладал такой разрушительной энергией, что имея он верховную власть, явно не остановил бы свой эксперимент только на одной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс, К. Собр. соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1978. – Т. 1. – 412 с.
2. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке произведенный господином Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1957. – 457 с.
3. Ленин, В.И. Об атеизме, религии и церкви: сборник статей, писем и др. материалов / В.И. Ленин. – М.: Мысль, 1969. – 317 с.
4. Пospelовский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке / Д.В. Пospelовский. – М.: Республика, 1995. – 351 с.
5. Нежный, А. Комиссар дьявола / А. Нежный. – М.: Протестант, 1993. – 243 с.
6. Одинцов, М.И. Государство и церковь. История взаимоотношений. 1917 – 1938 гг. / М.И. Одинцов. – М.: Знание, 1991. – 156 с.
7. Одинцов, М.И. Государство и церковь в России. XX век / М.И. Одинцов. – М.: Луч, 1994. – 325 с.
8. Одинцов, М.И. Власть и религия в годы войны / М.И. Одинцов. – М.: РОИР, 2005. – 540 с.
9. Алексеев, В.А. Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 258 с.
10. Навіцкі, У.І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20 – 30-я гг. XX ст. // Канфесіі на Беларусі / В.В. Грыгор’ева [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 231 с.
11. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008. – 214 с.
12. Протьюко, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917 – 1941 гг.) / Т. Протьюко. – Минск: Тесей, 2006. – 867 с.
13. Круглов, А.А. Православие. Краткий словарь-справочник / А.А. Круглов, М.С. Корзун. – Минск: РИВШ БГУ, 2002. – 167 с.
14. Корзун, М.С. История Русской православной церкви (X век – 2000) / М.С. Корзун. – Минск: БГУ, 2009. – 259 с.
15. Кузнецов, С.В. Нравственность и религиозность хозяйственной деятельности русского крестьянства / С.В. Кузнецов // Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков. – М.: Наука, 2001. – С. 168 – 182.
16. Логинов, А.В. Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности / А.В. Логинов. – М.: БРЭ, 2005. – 496 с.
17. Булгаков, С.Н. Протоиерей. Православие: Очерк учения Православной Церкви / С.Н. Булгаков. – М.: Terra, 1991. – 437 с.

18. Первые Декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1979. – 78 с.
19. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917 – 1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Изд. Библейско-Богословского ин-та святого апостола Андрея, 1996. – 311 с.
20. Цыпин, В. Русская Церковь 1917 – 1925 / В. Цыпин. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1996. – 327 с.
21. Космач, Г.А. Трагедия кумиров революции. Страницы политических биографий Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, Л.Д. Троцкого / Г.А. Космач, Е.Н. Космач. – Минск: Университетское, 1994. – 192 с.
22. Забродин, В. Демон революции Троцкий. Герои и антигерои Отечества / В. Забродин. – М.: Информ-экспресс, 1992. – 447 с.
23. Никольский, Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – Минск: Беларусь, 1990. – 400 с.
24. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917 – 1943. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1994. – 1063 с.
25. Карпов, В. Генералиссимус / В. Карпов. – М.: Вид, 2007. – 475 с.
26. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 2. – 367 с.
27. Монастырь у церкви Спаса: Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь от древности до наших дней. – Минск: Орех, 2007. – 135 с.
28. Стратонов, И.А. Русская церковная смута 1921 – 1931 гг. / И.А. Стратонов // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. – М.: Круцицкое патриаршее подворье, 1995. – С. 245 – 401.
29. Шахнович, М.И. Ленин и проблемы атеизма / М.И. Шахнович. – М.: Изд. Акад. наук СССР, 1961. – 447 с.
30. Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 4.
31. Национальный архив Республики Беларусь.
32. Янушевич, И.И. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории (1917 – 1928) / И.И. Янушевич. – Минск: БГУ, 2005. – 143 с.
33. Архивы Кремля. Политбюро и церковь 1922 – 1925 гг.: в 2 кн. – М.: РОССПЕН, 1997. – Кн. 1. – 547 с.
34. Волкогонов, Д. Троцкий. Политический портрет / Д. Волкогонов. – М.: Новости, 1994. – 414 с.
35. Правда. – 1923. – 18 февраля.

Поступила 08.02.2010

CHARACTER AND REASONS OF ACCELERATED SOLUTION OF THE “CHURCH QUESTION” BY PARTY-AND-STATE STRUCTURES IN 1917 – 1924

I. JANUSHEVICH

Socially-political reformations of the October 1917 that took place in Russian Empire cardinally changed the system of relations between church and the state. The atheistic government that came to power declared a merciless war against religion and church. The Russian Orthodox Church (ROC) became the main object of the antireligious Bolsheviks' activity. The contents of antireligious events seldom corresponded to the main aims of the soviet development. During the mentioned period the state confessional policy had apparently repressive character, and often contradicted suggested party and state slogans.